

Н. А. Мерзлютина

К вопросу о генезисе тетраконхов в русской церковной архитектуре конца XVII столетия. Определение новых источников и векторов влияний

Мерзлютина Н. А.

К вопросу о генезисе тетраконхов в русской церковной архитектуре конца XVII столетия. Определение новых источников и векторов влияний

Существует несколько версий относительно появления храмов-тетраконов в русской сакральной архитектуре конца XVII в. Данная работа является попыткой определения новых источников и векторов влияний. Приводимые в статье рассуждения дополняют ранее предложенные версии. По мнению автора, архитектура первого подобного храма — Успенской церкви в Петровском — восходит к волынской художественной школе, а сложный 12-лепестковый план создан на основе плана собора Святого Петра в Риме из трактата С. Серлио.

Ключевые слова: церковное зодчество, храмы-тетраконхи, нарышкинский стиль, архитектура Украины, архитектурные трактаты.

Мерзлютина Наталья Алексеевна, кандидат искусствоведения, Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства (филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России»), ведущий научный сотрудник.

E-mail: merzlutina@mail.ru

Merzlyutina Natalia Alekseevna, Ph. D. (Art History), Scientific Research Institute of the Theory and History of Architecture and Urban Planning (branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation), leading research fellow.

Merzlyutina N. A.

On the Genesis of Tetraconchs in Russian Church Architecture of the Late 17th Century: Identification of New Sources and Vectors of Influence

There are several versions regarding the appearance of tetraconch churches among the Russian sacred architecture of the late 17th century. This work is an attempt to identify new sources and vectors of influence. The arguments given in the article complement the previously proposed versions. According to the author, the architecture of the first church of this type — the Church of the Assumption in the Petrovskoe village — dates back to the Volhynia art school, and a complex 12 — petal plan was based on the architectural drawing of the Cathedral of St. Peter in Rome from the treatise by Sebastiano Serlio.

Keywords: church architecture, tetraconch churches, Naryshkin style, architecture of Ukraine, architectural treatises.

Форма центрического храма с четырьмя экседрами известна уже в памятниках раннехристианского периода, в которых она была заимствована из древнеримской архитектуры. В качестве древнейших примеров тетраконов специалисты приводят павильон на Золотой площади виллы Адриана в Тиволи (125–133), церковь Сан-Лоренцо-Маджоре в Милане (355–372, XVI в.) и собор в сирийской Босре (511) [56, с. 182]. В Средневековье этот тип встречается в разных землях: в Армении (собор в Звартноце, 641–661), Греции (церковь Св. Апостолов в Афинах, ок. 1000), во Франции (капелла Св. Креста в Монмажуре, XII), в Италии (церковь Санта-Катерина-д'Алессандрия близ Конверсано, XII). Экседры в подобных храмах могли иметь многогранную или полуциркульную форму. Расцвет типологии храмов-тетраконов произошел в ренессансной архитектуре Италии. Самыми известными примерами являются собор Св. Петра в Риме (проект центрического храма, выполненный Донато Браманте, утвержден в 1506) и церковь Санта-Мария-делла-Консолационе в Тоди (1508, Кола ди Капрарола).

В памятниках Древней Руси форма тетраконха, или квадрифолия, встречается на юго-западных территориях с домонгольского периода. В частности, по археологическим материалам известны храмы Галицкой земли: церковь-квадрифолий («Полигон») и ротонда-квадрифолий у с. Побережье близ Галича, посвященная, по преданию, свв. Борису и Глебу (XII в.) [23, с. 104–106, ил. 13, 14].

Проблема появления и широкого распространения центрических храмов с лепестковым планом в русском зодчестве конца XVII столетия давно волнует отечественных исследователей сакральной архитектуры. Хрестоматийным примером храма-тетраконха этого периода считается церковь Покрова в Филях (1690–1693; заказчик боярин Л. К. Нарышкин). Благодаря именно этому памятнику и его заказчику стиль московской архитектуры раннепетровского периода получил у специалистов наименование «нарышкинского». Существуют разные версии

Исследование выполнено в рамках Плана фундаментальных научных исследований РААСН и Минстроя России на 2022 год, тема 1.1.2.3.

относительно источников появления подобных памятников на переходном этапе древнерусской сакральной архитектуры от Средневековья к Новому времени. По одной из них центрические лепестковые композиции появились в этот период под влиянием украинской архитектуры. Об этом в разные периоды писали, в частности, Ф. Ф. Горностаев [18, с. 419–420], А. Н. Некрасов [30, с. 358–360], В. П. Выголов [14, с. 238], И. Л. Бусева-Давыдова [9, с. 220–226] и другие авторы. По другой версии, появление построек с четырехлепестковым планом на русской почве связано с собственной архитектурной традицией [41, с. 9]. Некоторые авторы видели в появлении подобных храмов влияние идеи Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря [29, с. 9–51; 22, с. 337; 5, с. 39–40]. И, наконец, высказывалось предположение о дворцовой функции центрического храма, характерной для рыцарских замков феодальной знати раннесредневекового европейского зодчества и проявившейся на русской почве на закате Средневековья в усадьбах представителей знатнейших родов [23, с. 114–115].

В последнее время исследователи приходят к выводу, что появление храмов-тетраконов с ярусной объемно-пространственной композицией имеет смешанный характер и представляет собой соединение ренессансной в своей основе иконографии,

Церковь Покрова в Филях. 1690–1693. Фотография автора, 2004 г.

Новый собор Донского монастыря. 1684–1698.
Фотография автора, 2005 г.

Троицкий собор Густынского монастыря. 1672–1676.
Фотография автора, 2018 г.

Никольский собор в Нежине. 1658–1669.
Фотография автора, 2016 г.

известной на русской почве с начала XVI в. (центрических шатровых и столпообразных церквей и храмов с лепестковыми планами), с польскими и украинскими влияниями [56, с. 182–183].

Данная работа является попыткой определения новых векторов влияний на появление и распространение церквей с центрическим лепестковым планом в русской сакральной архитектуре конца XVII столетия. Приводимые ниже рассуждения ни в коем случае не перечеркивают ранее предложенных версий, а лишь дополняют их, поскольку формирование нового стилистического направления в русском зодчестве конца XVII в. происходило под влиянием совершенно различных внешних источников, сочетающихся с уже известными традиционными схемами. Эти сложные переплетения в итоге привели к рождению нарышкинского стиля — яркого самобытного явления в отечественном зодчестве.

Сторонники украинской версии ведут отсчет появления тетраконхов на русской почве от Воскресенской церкви на Пресне, заложенной по указу царя Федора Алексеевича еще в мае 1681 г. и недостроенной из-за смерти заказчика. Известно, что Федор Алексеевич посылал на Украину для снятия чертежей мастера-живописца Карпа Золотарева. В 1684 г. происходит закладка Нового собора Донского монастыря на средства царевны Екатерины Алексеевны, имеющего четырехлепестковый план и явную проукраинскую пятибашенную объ-

емно-пространственную композицию. По мнению И. Л. Бусевой-Давыдовой, строители использовали чертежи, привезенные Карпом Золотаревым и предназначенные для церкви Воскресения на Пресне. Исследовательница указала также конкретный памятник украинской архитектуры, послуживший прямым иконографическим образцом для Нового собора Донского монастыря, — Никольский собор в Нежине (1658–1669) [9, с. 223–225]¹. В качестве примера храма-тетраконха на территории Украины в работе И. Л. Бусевой-Давыдовой приводится также план более ранней постройки — Покровской церкви в Сутковицы 1467 г. (Хмельницкая обл. Украины) [9, с. 221]. Об этом памятнике упоминал также А. И. Некрасов в связи с исследованием московской храмовой архитектуры XVII в. [30, с. 353]. Возведенный двумя столетиями ранее первоначально как каменная крепость и перестроенный под церковь в 1476 г., он относится еще к готической эпохе [39, с. 233–234; 13, с. 359–360].

Мы полностью согласны с предположениями о влиянии Никольского собора в Нежине на появление центрических четырехлепестковых храмов Москвы конца XVII в. Объемно-пространственная композиция этого памятника, а также и других

Преображенский собор в Изюме. 1682–1684.
Фотография автора, 2018 г.

Казанская церковь в Узком. 1697. Фотография автора, 2014 г.

образцов церковной архитектуры Левобережной Украины последней трети XVII столетия (таких как Троицкий собор Густынского монастыря (1672–1676, Черниговская обл. Украины) [39, с. 322–323], Преображенский собор в Изюме (1682–1684, Харьковская обл. Украины) [39, с. 103], так наз. «пятибанная» церковь, читается в архитектуре Нового собора Донского монастыря, Казанской церкви в Узком (1697, заказчик Т. Н. Стрешнев) [55], церкви Вознесения в Бурцево, построенной по образцу собора Донского монастыря ярославским мастером Никифором Алексеевым (1730–1733, заказчик М. С. Аничков; Наро-Фоминский р-н Московской обл.) [37, с. 53; 35, с. 67–68]), а также в ряде других памятников. При этом в перечисленных постройках отчетливо заметна их связь с деревянной церковной архитектурой, выразившаяся, прежде всего, в граненой форме объемов, в то время как в московских памятниках эпохи расцвета нарышкинского стиля мы наблюдаем стремление к использованию в основном полукруглой формы в экседрах.

На наш взгляд, в вотчинных лепестковых храмах с пониженными боковыми экседрами просматривается другая типологическая линия, что особенно заметно в самом первом памятнике интересующего

нас типа — Успенской церкви в Петровском, возведенной в 1684–1688 гг. в вотчине князя П. И. Прозоровского (ныне пос. Петрово-Дальнее Красногорского р-на Московской обл.), на что обращал внимание В. П. Выголов [14, с. 238]. Этот разрушенный в 1938 г. и недавно возведенный вновь после подробных археологических исследований храм [49, с. 83–100] открывает линию вотчинных ярусных церквей с лепестковым планом и пониженными боковыми экседрами, среди которых церкви Покрова в Филях, Спаса Нерукотворного в Уборах (1694–1697; заказчик П. В. Шереметев); Знамения в Дубровицах (1690–1704; заказчик Б. А. Голицын); Покрова в Тишилове (1690–1703, заказчик К. А. Нарышкин, не сохранилась) [20, с. 53–55] и др. Начиная именно с этой постройки, тип центрического вотчинного храма-тетраконха прочно вошел в арсенал русских зодчих.

Безусловно, сама форма центрического храма была известна в русской церковной архитектуре задолго до нарышкинского стиля. В частности, московская церковь Св. Варвары Великомученицы на Варварке, построенная в 1514 г. итальянским зодчим Алевизом Новым, судя по археологическим данным, имела четырехлепестковый план и, вероятно, просуществовала в таких формах до конца XVIII столетия [57, с. 186–203]. К этому же периоду относится и появление на московской почве восьмилепесткового храма — собора Петра Митрополита в Высоко-

Церковь Успения в Петровском. 1684–1688. Не сохранилась

Петровском монастыре, возведенного в 1514–1517 гг. тем же зодчим Алевизом Новым и перестроенного в 1690 г. при участии вдовствующей царицы Натальи Кирилловны. На основании исследований архитектора Б. П. Дедушенко установлено, что объемно-пространственная композиция древнего восьмилепесткового здания в целом сохранилась до наших дней [32, с. 169, 181–182]. Таким образом, уже в начале XVI в., благодаря строительной деятельности итальянского архитектора, в Москве появляются две первых центрических лепестковых церкви — октаконы и тетраконы, демонстрирующие разработку различных вариантов ренессансного центрического храма [3, с. 233]. При этом, судя по существующим реконструкциям первоначального облика церкви Св. Варвары, она представляла собой в плане квадрат с четырьмя экседрами, ширина которых была меньше его стороны [3, с. 232–233], в то время как в вотчинных центрических постройках нарышкинского стиля практически всегда экседры равны по ширине стороне четверика и скрывают его углы.

Учитывая всю сложность и запутанность самого вопроса появления тетраконов в московской архитектуре конца XVII столетия, следует еще раз обратиться к анализу утраченного памятника — Успенской церкви в Петровском. Храм имел крестообразное основание, в его объемно-пространственном решении отсутствовала композиция «восьмерик на четверике» (четверик был спрятан в экседрах), а декоративное убранство отличалось строгостью и лаконичностью. Среди декоративных элементов следует обратить внимание на графичные профили цоколя и антаблемента, окна без

Церковь Успения в Петровском. Южный портал

Покровская (Успенская) церковь в Низкиничках. 1643–1653.
Вид с востока. Фотография автора, 2018 г.

наличников, филенчатые барабаны угловых глав, крупные колонки, поднятые на высокий постамент и завершающиеся тяжеловатыми капителями, а также на круглые ниши над порталами в двойном обрамлении валиком. Судя по сохранившимся фотографиям, над южным порталом было помещено изображение святых Петра и Павла, соответствующее посвящению придела Успенского храма первоверховным апостолам.

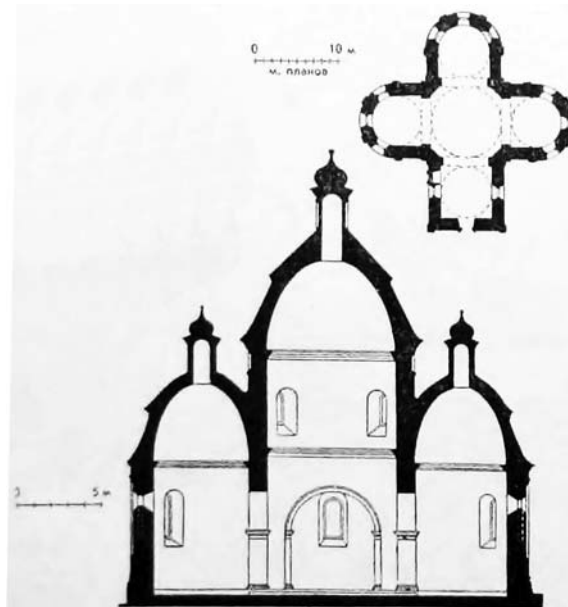
Подобное архитектурное решение близко, по нашему мнению, некоторым памятникам Западной Украины, а именно Волыни, где тип центрического лепесткового храма был достаточно распространен. Ярким примером служит древняя лепестковая Васильевская церковь во Владимире-Волыньском, возведенная в конце XIII — начале XIV в. [38, с. 55–56], которая также уже звучала в связи с происхождением центрических форм в русской сакральной архитектуре [29, с. 10; 30, с. 353].

Вновь обращаясь к вопросу влияния украинской архитектуры на формирование центрических лепестковых храмов в московском зодчестве конца XVII столетия, хотелось бы обратить внимание на памятник, возведенный на Волыни в другой временной период — всего за три десятилетия до рождения нарышкинского стиля. Покровская (Успенская) церковь в Низкиничках была построена в середине XVII в. на территории монастыря, основанного в родовом имении и на средства Адама Григорьевича Киселя (1599 или 1600 — 1653) — лидера православной шляхты и борца за права православного населения Речи Посполитой в 30–40-х гг. XVII в. [51, с. 67–75]². В трудах отечественных исследователей, занимавшихся вопросами формирования новых

объемно-пространственных решений в русском зодчестве конца XVII столетия, архитектура Покровской (Успенской) церкви в Низкиничаях звучала лишь вскользь. А. И. Некрасов подчеркивал отсутствие барочного декора в этом памятнике, а также его связь с архитектурой сутковицкой церкви, обратив внимание на появление повышенной башни в его композиционном решении [30, с. 353–355].

Церковь в Низкиничаях широко известна украинским архитектуроведам, дающим этому памятнику воынской школы высокую оценку, называющим его выдающимся образцом украинского зодчества [38, с. 70] и отмечающим в архитектуре этого храма соединение украинской традиции и черт польского Ренессанса [25, с. 399, ил. 190, 191]. Более подробно низкиничский храм исследован в монографии О. М. Годованюк, в которой говорится, что в нем положено начало строительству каменных крещатых пятиглавых церквей на Украине. Этот тип окончательно оформился под влиянием деревянной архитектуры и получил распространение в конце XVII—начале XVIII в. в других украинских землях—на Киевщине, Черниговщине и Полтавщине [58, с. 106–109]. Памятник фигурирует также в отдельных российских дореволюционных статьях, в частности в статье Г. Бугословского, в которой приводятся некоторые интересные исторические факты (к примеру, о выделении А. Г. Киселем на окончание постройки 3000 злотых, об изучении храма А. В. Праховым, В. Б. Антоновичем и графиней П. С. Уваровой и т. д.) [8, с. 232–248]. Постройка упоминается в обзорных трудах и каталогах советского периода, в которых приводится ее план [38, с. 70], а также разрез [13, с. 378–379, ил. 17.2]. Изображение Покровской (Успенской) церкви в Низкиничаях помещено в некоторых отдельных публикациях [6, с. 260]. О храме упоминается в статье А. Я. Флиера, посвященной эволюции планов православных храмов на территории Украины. Автор кратко рассматривает три крестообразные постройки раннего периода: церковь Николая Притиска на Подоле в Киеве (1631 г., ныне передатирована на 1695–1707 гг. [60, с. 193–194]); Николаевскую церковь в Олевске (1596 г., заказчики шляхтичи Немиричи, Житомирская обл. Украины) и Покровскую (Успенскую) церковь в Низкиничаях (1653 г.) и выводит их происхождение от галицко-подольских построек, повлиявших на воынские памятники, могут быть названы костел Св. Антония в Заложцах начала XVII в. (Зборовский район Тернопольской обл. Украины) [39, с. 69–70] и Петропавловская церковь в Каменце-Подольском (1580 г., Хмельницкая обл. Украины) [39, с. 171–172].

На наш взгляд, объемно-пространственная композиция и декоративное убранство Покровского (Успенского) храма в Низкиничаях и близко первому храму с лепестковым планом и пониженными боковыми экседрами в русском зодчестве конца

Покровская (Успенская) церковь в Низкиничаях.
План и разрез [13, с. 378, ил. 17.2]

XVII в.—Успенской церкви в Петровском. Низкиничскую и петровскую церковь сближает центрическая крестообразная пирамидальная композиция, созданная за счет выделения центрального объема, отсутствие выделенного четверика, спрятанного в экседрах, и наличие хор на западной стене. Важно, что храмы увенчаны пятью главами, но боковые значительно понижены, в отличие от «пятитаванных» церквей Левобережной Украины и их московских повторений. Декоративное убранство Успенской церкви в Петровском также сходно со строгим ренессансным декором Покровской (Успенской) церкви в Низкиничаях. Следует обратить внимание на оформление окон, лишенных наличников, на филенки, тяги цоколя и антаблемента, а также на круглые ниши над порталами с изображением иконы праздника, в честь которого освящены храмы и приделы. Долгое время считалось, что декор в Успенском храме села Петровского был сбит в XIX в. (об этом писал, в частности, М. А. Ильин) [21, с. 88], но раскопки нижних частей постройки, проведенные В. А. Тиминим, показали отсутствие сбитого декора [49, с. 93].

Рассмотрим более внимательно архитектурные особенности Покровской (Успенской) церкви в Низкиничаях и историю ее создания. Низкиничский храм построен как церковь-усыпальница на территории основанного в 1643 г. А. Г. Киселем Покровского монастыря в его родовом селе Низкиничии на Воыни. В качестве окончания строительства памятника специалисты указывают 1653 г. (дата погребения в нем заказчика). По легенде, монастырь был основан, а храм возведен по благословлению ми-

трополита Киевского Петра (Могилы) [61, с. 38–46], который относился к А. Г. Киселю с большим доверием, способствовал решению его отправки с посольством в Москву и даже назначил его в завещании 22 декабря 1646 г. одним из своих душеприказчиков [31, с. 35; 86; 91].

Ныне Успенская церковь является главным собором небольшого Успенского Низкиничского монастыря, расположенного на окраине г. Нововолынска, в 20 км к юго-западу от Владимира-Волынского. Монастырь возведен на вершине холма и ранее был укреплен четырьмя земляными бастионами, частично сохранившимися. Покровская (Успенская) церковь представляет собой пятиглавую, пятикамерную крещатую в плане постройку. К центральному квадратному в плане объему примыкают три полукруглые и одна равновеликая им квадратная западная экседры. Центральное пространство завершается высоким цилиндрическим объемом, опирающимся на четыре полуциркульные арки и увенчанном главой на барабане. Экседры значительно понижены относительно центрального объема, что создает общую пирамидальную композицию памятника. Все пять камер перекрыты полусферическими сводами и увенчаны главами на барабанах.

Декоративное убранство храма отличается строгостью и лаконичностью. Фасады трех полуцир-

Покровская (Успенская) церковь в Низкиничях. Вид с запада. Фотография автора, 2018 г.

Покровская (Успенская) церковь в Низкиничях. Портал и круглая ниша. Фотография автора, 2018 г.

кульных экседр расчленены плоскими лопатками, которые помещены также в местах соединения лестников и огибают углы западной экседры. Окна с полуциркульными завершениями не имеют наличников и обрамлены филенками. В основании помещен широкий цоколь с развитым профилем. Фасады завершаются тягой, усложненной в верхней части центральной экседры горизонтальными филенками. Сдержанное убранство фасадов контрастирует с белокаменным резным оформлением западного портала, заключающим в себе, по мнению исследователей, фамильный герб Киселей (шатер, увенчанный четырехконечным крестом) [8, с. 234], над которым имеется круглое углубление-ниша с изображением храмового праздника Успения Богородицы. В местах соединения экседр помещены сильно пониженные прямоугольные объемы, практически не играющие роль в общей объемно-пространственной композиции памятника. В советское время они были разобраны, поэтому отсутствуют на опубликованных планах (в настоящее время на восточной стороне восстановлены).

Пространство храмового интерьера ясное и легко читаемое. Боковые экседры перекрыты полусферическими куполами, опирающимися на стены, а центральный купол опирается на широкие арки, связывающие экседры с центральным пространством храма. Своды центрального и боковых объемов разделены восьмью изящными ребрами, украшенными овами. На парусах помещены большие лепные гербы. В западной части храма имеются хоры, которые во время униатского владения монастырем использовались для органа [8, с. 234]. В центре четверика находятся две лестницы, ведущие в склепы: в правом покоится тело А. Г. Киселя, погребенного, согласно завещанию, в приделе св. Георгия основанного им Покровского храма [24, с. 73; 45, с. 369]. В юго-западном углу помещен его

скульптурный портрет, выполненный на высоком художественном уровне.

По мнению специалистов, памятник полностью отражает суть заказчика, в котором сочетались знатный вельможа и истинный православный человек. Полковник Адам Григорьевич Кисель происходил из старинного волынского шляхетского рода. С 1617 г. служил в коронной армии Речи Посполитой, владел рядом поместий на Украине, участвовал в войнах с Османской империей, Русским царством и Швецией. Неоднократно выступал в защиту православной веры на сейме. А.Г.Кисель принял активное участие в Русско-польской войне (1632–1634), выступал главным комиссаром в переговорах с запорожскими и реестровыми казаками. В 1641–1645 гг. участвовал в комиссии по установлению «вечных» границ с Русским государством, а в 1646 г. стал каштеляном киевским и возглавил польскую делегацию на переговорах в Москве.

Будучи глубоко верующим православным человеком, А.Г.Кисель был инициатором строительства нескольких храмов, основателем пяти монастырей на Волыни и на Черниговщине. Кроме Низкиничской на Волыни в 1646 г. им была основана обитель для своей матери Феодоры (в монастыре Евфросинии). Не дошедший до наших дней монастырь располагался в районе совр. с. Туропин (Турыйского р-на Волынской обл. Украины). В 1642 г. на Черниговщине был основан также не сохранившийся Макаровский мужской Спасо-Преображенский монастырь. В 1650 г. Кисель основал в Черниговском воеводстве Макошинский Николаевский мужской монастырь, ставший важным духовным центром Левобережья. В трех вестах от него, также на берегу Десны, располагался Покровский Макошинский женский монастырь, основанный в 1640 г. В 1646 г. по благословению митрополита Петра (Могилы) А.Г.Кисель стал опекуном Киево-Могилянской коллегии. Знатный вельможа также всячески содействовал Покровскому Гощанскому монастырю на Волыни (Ровенская обл. Украины), имевшему школу, подчинявшуюся Киево-Могилянской академии [24, с. 73–74]. Монастырь был основан княжной Ириной Соломерецкой, каштелянкой Смоленской. Сохранившийся до наших дней каменный трехчастный Михайловский собор, возведенный в 1639 г., впоследствии был перестроен [58, с. 99–103].

В связи с изучением появления и распространения храмов-тетраконов в русском сакральном зодчестве конца XVII столетия важно подчеркнуть, что в нарышкинских храмах периода расцвета стиля (в Филях, Уборах, Тешилове и др.) в объемно-пространственной композиции появляется ярко выраженный «восьмерик на четверике», который отсутствует в первом центрическом лепестковом храме—Успенской церкви в Петровском. На наш взгляд, классическая композиция вотчинного лепесткового нарышкинского храма была создана не

через понижение боковых башен до привычного уровня невысоких притворов, как полагали некоторые исследователи [9, с. 226], а именно через повышение центральной части путем добавления четверика. В частности, порядная грамота на возведении церкви Спаса Нерукотворного в Уборах, опубликованная М.А.Ильиным, позволяет заключить, что первоначальный замысел храма не предполагал наличие четверика, добавленного в процессе строительства [21, с. 80–110, 180–192]. На первом этапе сооружения Спасского храма в Уборах возводившие его мастера ориентировались на располагавшуюся в трех верстах Успенскую церковь в Петровском, что можно наблюдать и в повторении плана, имеющего двенадцать лепестков, и в шестигранной форме барабанов. Принятое во время строительных работ решение добавить четверик, возникшее, по всей видимости, в результате знакомства заказчика с церковью Покрова в Филях, как раз завершенной к началу строительства храма в Уборах, придало ярусность и подчеркнутую высоту зданию, центральная часть которого получила типичную для нарышкинского стиля композицию «восьмерик на четверике».

Важно отметить, что в храмах круга Прозоровских—Голицыных и в более поздний период, на этапе угасания нарышкинского стиля, встречаются памятники с низким четвериком, спрятанным в экседрах. Примером может служить церковь Спаса Нерукотворного в Гирееве, в объемно-пространственной композиции которой отчетливо читается восьмерик, окруженный гранеными лепестками (1714–1718, заказчик князь И.А.Голицын [33, с. 72–74]). Конечно, в отличие от Покровской (Успенской) церкви в Низкиничках и Успенская церковь в Петровском, и Спасская церковь в Гирееве, и церковь Покрова в Филях относятся к вотчинным храмам «иже под колоколы». Истоки подобной композиции венчающей части, распространенной в усадебном строительстве Москвы и Подмосковья на рубеже XVII–XVIII вв., не имеют отношения к украинскому зодчеству, в котором нет подобных памятников. На наш взгляд, возрождение интереса к храмам «под звоном», известным в русском сакральном зодчестве с конца XV в., в этот период связано с голландскими церквями типа греческого креста (Восточной и Северной церквей Амстердама), чему было посвящено отдельное исследование [27, с. 89–102].

В связи с изучением сходства архитектуры волынской церкви в Низкиничках и некоторых вотчинных храмов нарышкинского стиля следует вспомнить о том, что низкиничский храм—не единственная каменная крестообразная церковь в церковном зодчестве Западной Украины (и конкретно Волыни). В связи с этим вопросом следует еще раз упомянуть Николаевский храм в Олевске, возведенный православными шляхтичами Немировичами и имеющий близкое объемно-пространственное

Благовещенская церковь в Бражникове. 1713–1715.
Фотография автора, 2022 г.

решение (центрическую пирамидальную объемно-пространственную композицию, пониженные боковые экседры, граненую форму западного притвора и наличие хор в западной части храма). Отличительной особенностью олевского храма является его изначальное одноглавное завершение [38, с. 154;

58, с. 94–97]. Важно еще раз напомнить, что центрические лепестковые композиции были в целом характерны для Волыни и Подолья и встречаются в церковных постройках с древних времен, о чем свидетельствует упомянутая выше Васильевская церковь во Владимире-Волынском.

Конечно, обращает на себя внимание форма граненого западного притвора, которую мы можем наблюдать как в низкиничском, так и в олевском храме. Подобное решение не встречается в московских ранних центрических вотчинных церквях, однако среди построек тех же Прозоровских мы обнаруживаем ее в позднем памятнике — Благовещенской церкви в Бражникове, возведенной заказчиком Успенской церкви в Петровском — П. И. Прозоровским в 1713–1715 гг. [36, с. 26; 34, с. 47–48]. В бражниковской церкви абсида имеет пятигранную форму, в то время как боковые и западный притворы прямоугольную, причем западная часть сильно вытянута по оси запад–восток и придает плану форму латинского креста.

В архитектуре Благовещенского храма наблюдается еще один волынский «след», а именно восьмигранные окна по сторонам алтарной абсиды. В нарышкинском стиле окна и ниши восьмигранной формы получили широкое распространение, но на алтаре по сторонам центрального окна они встречаются крайне редко, в то время как для церковных памятников Волыни круглые окна на алтаре, расположенные по сторонам центрального, — характерная деталь. Мы можем встретить подобную композицию как в памятниках более раннего периода (в частности на фасадах Васильевской церкви Владимира-Волынского), так и в произведениях второй

Крестовоздвиженская церковь в Луцке. 1618–1622.
Фотография автора, 2018 г.

Покровский собор в Луцке. 1625–1650. Фотография автора, 2018 г.

половины XVII столетия. Примерами могут служить два храма Луцка: Покровский собор (1625–1650) [38, с. 53] и Крестовоздвиженская церковь (1618–1622) [38, с. 53].

Таким образом, выше отмечено сходство церковных памятников Волыни, имеющих центрические крестообразные формы (в частности Покровской (Успенской) церкви в Низкиничаях) и некоторых московских нарышкинских церквей (прежде всего, самого раннего вотчинного храма-тетраконха — церкви Успения в Петровском). Это сходство выразилось в центрических крестообразных храмах с пониженными боковыми экседрами, круглых окнах на алтаре или нишах на западном притворе, сдержанном ренессансном декоре, наличии хор на западной стене и т. д. Все изложенные выше рассуждения позволяют указать кроме давно известных источников (архитектура Левобережной Украины, Польши и Голландии) еще один вектор внешних заимствований при формировании зодчества нарышкинского стиля, а именно влияние церковной архитектуры Западной Украины и конкретно Волыни. Подобная тема косвенно звучала у историков архитектуры. В частности, М. Н. Микишатов сравнивал стены Новодевичьего монастыря с ренессансными стенами волынского города Острога [28, с. 216].

Возникает правомерный вопрос: как формы волынской архитектуры, а возможно именно низкиничского храма, могли стать знакомыми московской знати? Напомним, что земли Волыни в интересующий нас период территориально входили в состав Речи Посполитой. Выскажем ряд гипотез.

Прежде всего, следует учитывать, что еще до подписания в 1686 г. Вечного мира между Россией и Речью Посполитой в 1667 г. было заключено Андрусовское перемирие, закончившее активную фазу войны. В этот период у московской аристократии возрастает активный интерес к польской культуре. Строитель низкиничского храма Адам Григорьевич Кисель — яркая историческая фигура — был хорошо знаком столичной элите предшествовавшего периода. С 1649 г. вплоть до своей кончины в 1653 г. он был воеводой киевским, приезжал в Москву с посольством 1646 г., когда велось строительство Покровского монастыря в Низкиничаях, и мог непосредственно поделиться своей храмостроительной деятельностью с кем-то из рода Прозоровских. К примеру, с А. Киселем мог быть лично знаком П. С. Прозоровский Большой (1621–1670).

Важно также напомнить, что, по преданию, строительство низкиничского монастырского храма было освящено самим Петром (Могилой). Известно, что митрополит возрождал древние церковные постройки Киева, причем церковь Спаса на Берестове (1113–1125) в этот период (1640–1643) получила крестообразный план и объемное решение, превратившись «в пятибанный храм украинского типа» [6, с. 261]. Известно также, что при восстановлении

древних храмов митрополит Петр (Могила) пользовался услугами польских мастеров. В частности, В. П. Выголов обратил внимание на тот факт, что в опубликованной заметке самого митрополита 1635 г. указаны имена некоторых польских мастеров, участвовавших в восстановлении собора Святой Софии (в выписке фигурируют «pan Henrych», «pan Stanislaw» и «pan Mikolay») [16, с. 217–218]³.

Известно также, что Покровский Низкиничский православный монастырь находился в непосредственном подчинении Киево-Печерского монастыря [45, с. 369]. Запись о его основании в 1643 г. А. Г. Киселем была внесена в Актовые книги Киевского замка 29 сентября 1646 г., что означало символическое единение небольшого волынского монастыря и столицы Киевской митрополии [62, с. 296; 59, с. 226]. То есть закладка крестообразного низкиничского храма происходит сразу после перестройки в таких формах берестовской церкви. Таким образом, нельзя исключить, что митрополит Петр (Могила) был соавтором, а может и автором проекта и архитектурной идеи низкиничского храма, по сути, ставшего первой крестообразной «пятибанной» и пятиглавой каменной церковью в украинской архитектуре, в которой воплотились ренессансные мечты об идеальном центрическом купольном храме [60, с. 178–179]. Подобная идея, на наш взгляд, была воспринята чуть позднее и в кругах московской знати.

Важно также обратить внимание на тот факт, что через тридцать лет после киевского правления А. Г. Киселя — в 1682–1683 гг. — воеводой киевским стал один из рода князей Прозоровских — П. С. Прозоровский Меньшой (ум. в 1691 г.), доводившийся дядей П. И. Прозоровскому — строителю Успенской церкви в Петровском и Благовещенской церкви в Бражникове. В Киеве он участвовал в строительных церковных делах. Одной из грамот из Москвы приказывалось «кн. П. выдать игуменье Киево-Печерского Вознесенского монастыря Магдалине Мазепиной 100 руб. из городских доходов на построение теплой церкви и на исправление колодезя» [44, с. 24–26]. Правомерно предположить, что П. С. Прозоровский Меньшой мог привезти из Киева какие-то чертежи и документы, оставленные А. Г. Киселем. В художественном музее Луцка хранится портрет знатного вельможи на фоне построенного им низкиничского храма⁴, этот портрет или его повторения могли быть знакомы как киевской, так и московской знати. Укажем также, что отец Петра Ивановича и брат П. С. Прозоровского Меньшова — Иван Семенович Прозоровский, основатель с. Петровского и Петровской вотчины в 1665 г. [17, с. 17], участвовал в Русско-польской войне, брал Вильну и Ковно [44, с. 14–18].

И, наконец, нельзя исключать непосредственное участие мастеров — выходцев с Волыни в строительстве первого центрического вотчинного храма

Портрет Адама Киселя. 1653 (?) [51, с. 67]

в русской архитектуре конца XVII столетия—Успенской церкви в Петровском. Известно, что в 1685 г. митрополитом Киевским стал Гедеон, архиепископ Луцкий, — представитель знатного княжеского рода (в миру Григорий Захарьевич Святополк Четвертинский; ок. 1634–1690), вступивший на Луцкую кафедру между 1658 и 1663 гг., пользовавшийся поддержкой волынской православной шляхты и активно защищавший православие на Волини. Так, его посланец Иннокентий Монастырский в декабре 1678 г. приезжал в Киев с письмами, адресованными царю Федору Алексеевичу и киевскому воеводе князю М.А.Голицыну, с просьбой о том, чтобы царь добился от польско-литовских властей гарантий свободного исповедания православной веры в Речи Посполитой, проводившей политику форсирования «новой унии». Позднее он сообщал царскому посланнику Е.И.Украинцеву, что король, отправляясь в поход на Вену, заявил ему, что он, в случае отказа от унии, по возвращении короля будет помещен на «вечное заточение» в Мальборк [52, с. 37]. Епископ Луцкий Гедеон выехал на Левобережную Украину осенью 1684 г. и поселился в Крупницком монастыре под Батуриным, где его и посещал Е.И.Украинцев. На следующий год в Киеве был избран митрополитом и в октябре с большой делегацией отправился в Москву, где 8 ноября 1685 г. был возведен в сан Киевского митрополита патриархом Иоакимом, и выехал из Москвы обратно в Киев 15 декабря 1685 г. [43, с. 328–329]. Митрополит Киевский Гедеон был активным строителем храмов. На его средства отреставрирован храм Святой Софии, а в его северо-западной части устроен придел в честь Собо-

ра Св. Иоанна Предтечи. В возобновлении собора участвовали, по мнению специалистов, не только украинские зодчие, но и московские мастера, о чем свидетельствует форма наличников [26, с. 517–519]. Вышеизложенные факты позволяют предположить, что, отправляясь в Москву, митрополит Гедеон мог захватить с собой волынских мастеров, точно так же, как он пригласил мастеров из Москвы для восстановления Софийского собора в Киеве. Хотелось еще раз подчеркнуть, что Покровская (Успенская) церковь в Низкиничках построена в монастыре, основанном заказчиком на территории его родового замка, и, по сути, являлась не только монастырским собором, но и вотчинным храмом-усыпальницей. Важно также отметить, что низкиничский храм—самый яркий, но не единственный пример вотчинного православного центрического храма, построенного на Волини представителями благородного сословия. Выше мы упоминали Никольскую церковь в Олевске.

Остановившись подробно на изучении волынской линии как возможного источника появления храмов-тетраконов на московской почве конца XVII столетия, следует обратить внимание на еще одну проблему. Первый московский центрический храм конца XVII столетия—Успенская церковь в Петровском—имеет 12-лепестковый план, происхождение которого остается загадочным до настоящего времени. Памятник рассматривался исследователями в контексте изучения многолепестковых храмов. В частности, А.И.Некрасов писал о зависимости церкви этой типологической ветви от венца капелл Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря, в то же время, сравнивая Успенскую церковь в Петровском с Знаменским храмом в Дубровицах, собором Высокопетровского монастыря и его повторениями и предполагая наличие у Голлицынского плана-образца западноевропейского барокко [29, с. 18–22].

Подобная форма плана известна в византийских памятниках, примером чему может служить кафоликон Панагии Мухлиотиссы в Константинополе (X–XIII вв. (?)), который первоначально представлял собой увенчанный куполом тетраконх. Каждая абсида снаружи имела пятигранную форму, а внутри разделена полукруглыми нишами [12, с. 376–378]. Таким образом, внутренний абрис плана имел 12-лепестковую форму.

Важно обратить внимание на тот факт, что подобная усложненная форма, превращающая тетраконх в 12-лепестковый храм, была хорошо известна русским заказчикам и мастерам по крестам-тельникам XVII столетия [19, с. 95, ил. 116]. О том, что она воспринималась современниками именно как крестообразная, свидетельствуют документы Судного дела Якова Бухвостова о строительстве церкви Спаса Нерукотворного в Уборах, имеющей 12-лепестковый план. При ее осмотре в 1696 г. подмастерьем

Нательный крест XVII в. [19, с. 95, ил. 116]

Приказа каменных дел Данилой Калининым указано, что «основание церкви крестообразное» [21, с. 181].

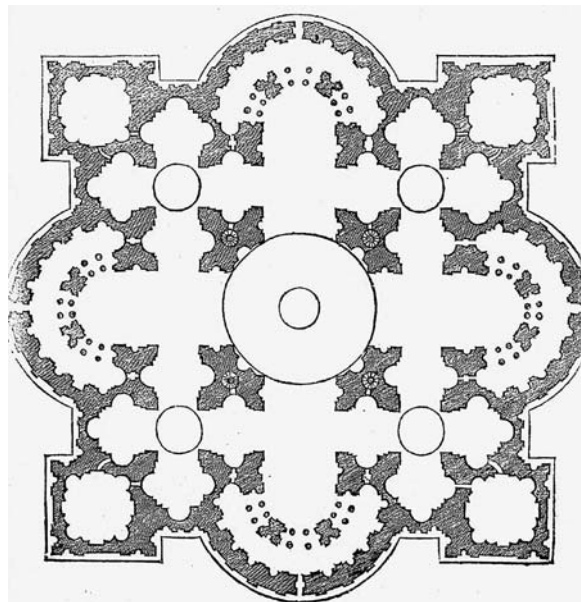
И, наконец, возводившие Успенскую церковь в Петровском мастера могли быть также знакомы с архитектурными трактатами, использование которых практиковалось и в более ранний период. В частности, в связи с изучением композиции храма Покрова на Рву историки архитектуры приводят пример идеального плана с четырьмя колокольнями из Пятой книги известного трактата Себастьяна Серлио [4, с. 56]. Об использовании мастерами печатных изданий XVII столетия при строительстве храмов ярусного типа писал еще Ф.Ф. Горностаев [18, с. 468]. В российских библиотеках XVII в. имелись издания Г. Вредемана де Вриса, Г. Блюма, С. Серлио, Г. К. Эразмуса, Г. Крамера, которые могли служить источниками при создании декора и композиционных решений архитектуры этого периода [1, с. 61].

В связи с изучением плана Успенской церкви в Петровском хотелось бы обратить внимание на другой лист, помещенный в Третьей книге трактата С. Серлио, а именно на план Д. Браманте собора Святого Петра, переработанный Б. Перуцци. Один из самых значительных архитектурных трактатов эпохи Возрождения начал издаваться с 1537 г., объединенное издание первых пяти книг вышло в Венеции в 1584 г. [63, р. 73–82]⁵.

Известно, что еще в библиотеке царя Алексея Михайловича имелась «Книга, в ней писаны образцы столбом в церкви или палате, или у мостов камни, или поясы около столбов и около церкви, где доведется делать», которую А.А. Аронова интерпретирует как один из вариантов «Четырех книг по архитектуре» А. Палладио, либо возможное объеди-

ненное издание первых пяти книг С. Серлио [1, с. 58]. План церкви в Успенском, выполненный на основании раскопок В.А. Тимина [40, с. 28–33], а также восходящие к нему другие планы тетраконхи с усложненными трехлепестковыми формами экседры (в частности упомянутая выше церковь Спаса Нерукотворного в Уборах) близки, на наш взгляд, помещенному в трактате С. Серлио плану собора Святого Петра в Риме. В первую очередь совпадает общий абрис планов (за отсутствием угловых капелл). План церкви в Петровском мог быть создан на основе плана из трактата С. Серлио путем его упрощения и приспособления к задуманной объемно-пространственной композиции. Учитывая посвящение придела Успенской церкви святым апостолам Петру и Павлу, связанное с небесным покровительством апостола Петра строителю храма Петру Ивановичу Прозоровскому, выскажем осторожное предположение о желании заказчика ориентироваться на архитектуру собора Святого Петра в Риме, в котором покоятся мощи его небесного покровителя.

Наконец, следует вспомнить, что Успенская церковь в Петровском была возведена князем П.И. Прозоровским по поводу женитьбы его дочери Анастасии и князя И.А. Голицына. Некоторые исследователи полагали, что идея ее создания могла принадлежать царевне Софье Алексеевне и князю В.В. Голицыну [49, с. 86]. Последний имел обширную библиотеку на польском, немецком и латинском языках [48, с. 435–437]. При строительстве церкви Святого Царевича Иоасафа в Измайлове (1687–1688) В.В. Голицын давал мастерам «образцы», взятые им

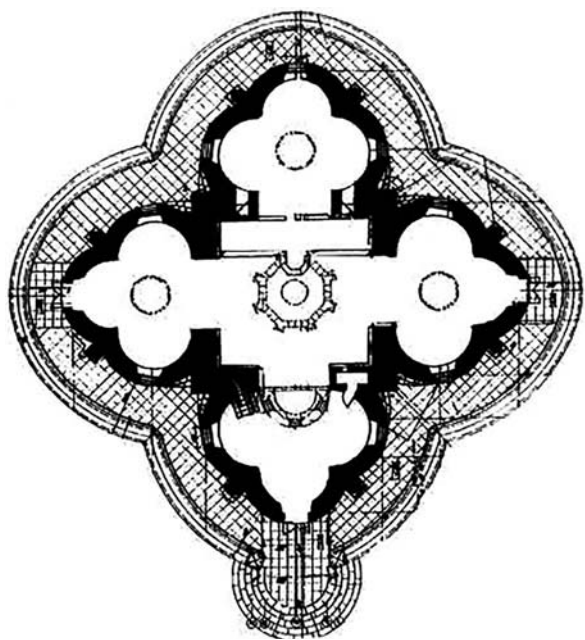
План Браманте собора Святого Петра, переработанный Б. Перуцци. Третья книга трактата об архитектуре С. Серлио [64, с. 118]

Церковь Успения в Петровском. 1684–1688

Покровская (Успенская) церковь в Низкиничях. Вид с северо-запада. Фотография автора, 2018 г.

Церковь Успения в Петровском. 1684–1688. План [40]

из Посольского приказа [54, с. 208], а в 1684–1685 гг. в Посольском приказе им было взято без возврата 17 книг «огородного, палатного и городского строений и резных и водовзводных и фигурных образцов» [7, с. 49]. В. В. Голицын возглавлял Посольский приказ с 1682 по 1689 г. и фактически стал преемником его библиотеки — самого значительного собрания книг по архитектуре середины XVII столетия [1, с. 58]. Потенциальным автором идеи строительства Успенского храма в Петровском действительно мог быть князь В. В. Голицын. Так или иначе, именно в этом центрическом храме-тетраконхе произошло, по словам Г. К. Вагнера, «утверждение» нового направления в русской сакральной архитектуре, формы которого оказали влияние на другие подобные сооружения [10, с. 130–132].

Еще раз повторим, что архитектурные формы и фасадное убранство первого храма-тетраконха с усложненным 12-лепестковым планом — Успенской церкви в Петровском — восходят, по нашему мнению, к волынской художественной школе, развивавшейся в интересующий нас период в рамках традиций польского Ренессанса. Вопрос о влиянии ренессансной архитектуры Польши поднимался в ряде публикаций отечественных исследователей. Кроме указанной выше работы М. Н. Микишатычева можно указать также статьи С. С. Попадюка [42, с. 176–186], Вл. В. Седова [46, с. 140–147] и А. А. Ароновой [2, с. 287–305]. В данном случае речь идет о влиянии польского Ренессанса опосредованно, через украинские памятники Волыни, в адаптированном к православным постройкам варианте.

В связи с выделением 12-лепестковых храмов внутри общей линии храмов-тетраконхов следует упомянуть также архитектуру церкви Знамения в Дубровицах—самого сложного и загадочного памятника периода московского правления Петра I, возведенного его ближайшим сподвижником князем Б.А.Голицыным [11; 45]. При значительных архитектурных отличиях от Успенской церкви в Петровском (использование белого камня в архитектуре, обильная фасадная резьба и т. д.) Знаменский храм в Дубровицах обладает рядом важных сходств, а именно—основание церкви имеет 12-лепестковую форму, а в объемно-пространственной композиции отсутствует четверик. Усложненная форма тетраконха была применена также в соборе московского Крестовоздвиженского монастыря (1701–1726; не сохранился), в то время как в основном возводимые в усадьбах храмы-тетраконхи в 1690–1720-е гг. (в период расцвета и заката нарышкинского стиля) в плане имели простую форму квадрифолия с полуциркульными или гранеными экседрами. Мастера, работавшим в этот период, конечно, могло пригодиться и знакомство с простым планом в форме квадрифолия, появившимся в московской архитектуре благодаря поездке Карпа Золотарева на Левобережную Украину. В классическом примере вотчинного храма нарышкинского стиля периода расцвета—церкви Покрова в Филях—мы видим переработку архитектурной «информации», поступившей из разных источников, и ее адаптации к собственной художественной традиции. В этом памятнике гармонично соединились «воспоминания» о центрических храмах начала XVI столетия, план центрического храма-тетраконха Левобережной Украины, голландские влияния церковей типа греческого креста под звоном и восходящий к польскому Ренессансу фасадный декор. Волынская тема крестообразного пятиглавого храма с подчеркнuto выделенной центральной частью, построенного знатным вельможей в своем вотчинном монастыре, сыграла, на наш взгляд, определенную роль в создании яркого образа усадебного храма-тетраконха раннепетровского времени.

Всё вышеизложенное имеет своей целью выделить новые возможные векторы влияний на формирование центрических вотчинных лепестковых храмов в московской архитектуре конца XVII в., а именно обратить внимание на церковные памятники православной Волыни и еще раз вспомнить архитектурные трактаты эпохи Возрождения. Так или иначе, стремления полковника А.Г.Киселя, воеводы и дипломата, последнего православного сенатора Речи Посполитой, пытавшегося примирить в середине XVII в. свою державу и Московское царство, были решены на определенном историческом отрезке времени через три десятилетия князем В.В.Голицыным, заключившим Вечный мир

с Польшей. Этот важный политический шаг послужил расцвету нового стиля московской архитектуры конца XVII столетия [46]. Возведенная А.Г.Киселем церковь-усыпальница в Низкиничих в формах, сочетающих в себе черты традиционного зодчества западноукраинских земель и польского Ренессанса, возможно, могла сыграть не последнюю роль на раннем периоде формирования центрических объемно-пространственных композиций в русской церковной архитектуре раннепетровского периода. Этот яркий памятник стал первым среди каменных центрических четырехлепестковых пятиглавых храмов и в украинском сакральном зодчестве. Вполне возможно, что мастера или руководивший артелью зодчий, возводивший первый на московской почве вотчинный храм-тетраконх конца XVII в.—Успенскую церковь в Петровском, мог быть волынцем и попасть в Москву во время приезда митрополита Киевского Гедеона—выходца с Волыни. При создании Успенской церкви в Петровском, имевшей придел святых апостолов Петра и Павла, строители могли использовать переработанный Б.Перуцци план Д.Браманте собора Святого Петра в Риме из издания С.Серлио. Эта идея могла принадлежать заказчику храма, князю П.И.Прозоровскому, чьим небесным покровителем был апостол Петр, или подсказана ему новым родственником, князем В.В.Голицыным, стоявшим у истоков зарождения центрических композиций в храмовом зодчестве Москвы конца XVII столетия и формирования нового стиля в целом.

Примечания

- ¹ В литературе встречаются разные даты строительства собора. В данной работе приводятся крайние известные годы его возведения [39, с. 286–287; 53, с. 149–152].
- ² Церковь и монастырь первоначально были освящены в честь праздника Покрова Пресвятой Богородицы. Около 1698 г. храм перешел униатам. После вхождения Западной Волыни в Российскую империю храм был передан православной Церкви, стал приходским и в 1803 г. переосвящен в честь Успения Пресвятой Богородицы. Это посвящение престола собора и монастыря, возрожденного после 1997 г., сохранилось до настоящего времени [24, с. 73–74; 45, с. 369–370]. В научной литературе встречаются как первоначальное, так и современное посвящения храма. В своей работе мы указываем оба наименования. В литературе иногда встречается также название села—Низкинич.
- ³ Информация имеется в тексте диссертации В.П.Выголова [15, с. 162–163], в которой упоминается также и Покровская (Успенская) церковь в Низкиничих как памятник, центрическая композиция которого «в известной мере предопределяет дальнейшее развитие в храмовых построениях» [15, с. 167].

- ⁴ В экспозиции музея портрет датирован началом XVIII столетия. Однако в публикациях встречаются другие датировки, к примеру, 1653 г. [51, с. 67].
- ⁵ Трактат неоднократно переиздавался на разных языках, в частности в РГБ имеется несколько экземпляров разных изданий, в том числе экземпляр издания, напечатанного в 1616 г. в Амстердаме на голландском языке, откуда и заимствован публикуемый план. РГБ. Музей книги. Ф. 801–15/1832 [64, с. 118].

Список источников и литературы

1. Аронова А. А. К вопросу об источниках происхождения некоторых форм в русской архитектуре Позднего Средневековья // Искусствознание. 2007. № 1/2. С. 54–65.
2. Аронова А. А. Польский парапет и его отражение в русской архитектуре позднего 17 века // Искусствознание. 2013. № 1/2. С. 287–305.
3. Баталов А. Л. Некоторые направления в теории и практике итальянского Ренессанса и их отражение в деятельности итальянских архитекторов в России в XVI веке // Актуальные проблемы теории и истории искусства. Вып. 6. СПб., 2016. С. 229–241.
4. Баталов А. Л. Собор Покрова на Рву: Ренессансная интервенция в пространство Позднего Средневековья // Искусствознание. 2016. № 3. С. 54–97.
5. Баталов А. Л., Вятчанина Т. Н. Об идейном значении и интерпретации иерусалимского образца в русской архитектуре XVI–XVII вв. // Архитектурное наследие. 1988. Вып. 36. С. 22–42.
6. Безсонов С. В. Исторические связи архитектуры России, Украины и Белоруссии в XIV–XVII вв. // Зодчество Украины. Киев, 1954. С. 251–270.
7. Белокуров С. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898.
8. Бугословский Г. Киевский воевода Адам Кисель и выстроенная им в с. Низкиничаях, Владимир-Волынского уезда, церковь // Сборник статей в честь графини Прасковьи Сергеевны Уваровой. 1885–1915. М., 1916. С. 232–248.
9. Бусева-Давыдова И. Л. Об истоках композиционного типа «восьмерик на четверике» в русской архитектуре конца XVII в. // Архитектурное наследие. 1985. Вып. 33. С. 220–226.
10. Вагнер Г. К. О происхождении центрических композиций в русском зодчестве конца XVII века // Памятники культуры. Исследования и реставрация. Вып. 3. М., 1961. С. 123–133.
11. Вельтман А. Ф. Обновление храма Знамения Пресвятыя Богородицы в селе Дубровицах, освященного в 1690 и освященного в 1704 году, в присутствии храмоздателя государя царя и великого князя Петра Алексеевича. М., 1850.
12. Виноградов А. В. Панагии Мухлиотиссы монастырь в Константинополе // Православная энциклопедия. Т. 54. М., 2019. С. 376–378.
13. Всеобщая история архитектуры: в 12 т. Т. 6. Архитектура России, Украины и Белоруссии. XIV—первая половина XIX века / под ред. П. Н. Максимова. М., 1968.
14. Выголов В. П. О развитии ярусных форм в зодчестве конца XVII века // Древнерусское искусство. Т. 2: XVII век. М., 1964. С. 236–252.
15. Выголов В. П. Творчество зодчего О. Д. Старцева: дис. ... канд. искусствоведения. М., 1955.
16. Выписка из рукописи П. Могили (Киево-Софийской библиотеки, № 155) // Киевские епархиальные ведомости. 1862. № 7. С. 215–219.
17. Голицын М. М. Петровское. М., 1916.
18. Горностаев Ф. Ф. Барокко Москвы // История русского искусства. Т. 2. Допетровская эпоха (Москва и Украина) / под ред. И. Э. Грабаря. М., 1912. С. 417–468.
19. Древлехрамление памятников иконописи и церковной старины в Русском музее / авт.-сост. Т. Б. Вилинбахова. СПб., 2014. С. 95, ил. 116.
20. Древности. Труды Комиссии по сохранению древних памятников Императорского Московского Археологического общества. Т. 2. М., 1908. С. 53–55.
21. Ильин М. А. Зодчий Яков Бухвостов. М., 1959.
22. Ильин М. А. Проблема «московского барокко» XVII века // Ежегодник Института истории искусств АН СССР за 1956 г. М., 1957. С. 324–339.
23. Иоданисян О. М. Храмы-ротонды в Древней Руси // Иерусалим в русской культуре. М., 1994. С. 100–147.
24. Киселёв В. Н., Свистун В. О. Кисель Адам Григорьевич. Покровительство церковным учреждениям // Православная энциклопедия. Т. 35. М., 2014. С. 73–74.
25. Логвин Г. Н. Украина и Молдавия. М., 1982.
26. Лукашова С. С. Гедеон (Святополк Четвертинский Григорий Захарьевич, кн.) // Православная энциклопедия. Т. 10. М., 2005. С. 517–519.
27. Мерзлютина Н. А. К вопросу о происхождении композиции «иже под колоколы» в вотчинных храмах конца XVII века // Архитектурное наследие. 2019. Вып. 71. С. 89–102.

■ *Н. А. Мерзлютина • К вопросу о генезисе тетраконхов в русской церковной архитектуре конца XVII столетия...*

28. *Микишатов М. Н.* «Нарышкинский стиль» и русская архитектура конца XVII века (к проблеме «переломов» в общественном и художественном развитии) // *Архитектура в истории русской культуры*. Вып. 6: Переломы эпох. М., 2005. С. 197–236.
29. *Некрасов А. И.* Архитектура Истры и ее значение в общем развитии русского зодчества // *Ежегодник музея архитектуры*. Вып. 1. М., 1937. С. 9–51.
30. *Некрасов А. И.* Очерки по истории древнерусского зодчества XI–XVII века. М., 1936.
31. *Новицкий И. П.* Адам Кисель, воевода киевский. Біла Церква, 2012.
32. Памятники архитектуры Москвы. Белый город / Ю. И. Аренкова, М. И. Домшлак, Г. И. Мехова [и др.]. М., 1989.
33. Памятники архитектуры Москвы. Окрестности старой Москвы (Юго-восточная и южная части территории от Камер-Коллежского вала до нынешней границы города) / редкол.: А. Л. Баталов [и др.]. М., 2007.
34. Памятники архитектуры Московской области. Вып. 1 / под общ. ред. Е. Н. Подъяпольской. М., 1998.
35. Памятники архитектуры Московской области. Вып. 4 / под общ. ред. Е. Н. Подъяпольской. М., 2009.
36. Памятники архитектуры Московской области. Т. 1 / под общ. ред. Е. Н. Подъяпольской. М., 1975.
37. Памятники архитектуры Московской области. Т. 2 / под общ. ред. Е. Н. Подъяпольской. М., 1975.
38. Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР. Т. 2 / отв. ред. И. А. Игнаткин; сост. А. А. Артемов. Киев, 1985.
39. Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР. Т. 4 / отв. ред. Г. Н. Логвин; сост. А. А. Артемов. Киев, 1986.
40. *Перцов В. В.* Необычная история храма в Петровском // *Наше наследие*. 2009. № 92. С. 28–33.
41. *Подключников В. Н.* Три памятника XVII столетия // *Памятники русской архитектуры*. Вып. 5. М., 1945.
42. *Попадюк С. С.* Общность развития декоративных форм в русской и польской архитектуре XVI–XVII вв. // *Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в.* М., 1976. С. 176–186.
43. *Русский биографический словарь: в 25 т. Т. 4 (Гааг—Гербель)* / под ред. А. А. Половцова. СПб., 1914.
44. *Русский биографический словарь: в 25 т. Т. 15 (Притвиц—Рейс)* / под ред. А. А. Половцова. СПб., 1910.
45. *Свистун В., диакон.* Низкиничский в честь Успения Пресвятой Богородицы мужской монастырь // *Православная энциклопедия*. Т. 49. М., 2018. С. 369–372.
46. *Седов Вл. В.* Стиль Вечного мира, или Польский ренессанс в Москве // *Проект Классика*. 2004. № 12. С. 140–147. URL: http://www.projectclassica.ru/school/12_2004/school2004_12_01a.htm.
47. *Семенов К. А.* Усадьба Дубровицы. Церковь Знамения. М., 2006.
48. *Соловьев С. М.* История России. Кн. 7, т. 14. М., 1962.
49. *Тимин В. А.* Успенская церковь в бывшей усадьбе Петровское: исследования и графические реконструкции // *Архитектурное наследие*. 2012. Вып. 57. С. 83–100.
50. *Флиер А. Я.* Эволюция планов православных храмов на территории Украины с X по середину XVII века // *Архитектурное наследие*. 1988. Вып. 35. С. 86–96.
51. *Флоря Б. Н.* Кисель Адам Григорьевич // *Православная энциклопедия*. Т. 35. М., 2014. С. 67–75.
52. *Флоря Б. Н., Кочегаров К. А.* Луцкий епископ Гедеон (Четвертинский) и судьбы Православия в западной части Киевской митрополии // *Церковь и время*. Научно-богословский и церковно-общественный журнал. 2018. № 2 (83). С. 29–87.
53. *Цапенко М. П.* Архитектура Левобережной Украины XVII–XVIII веков. М., 1967.
54. *Чиняков А.* Архитектурные памятники Измайлова // *Архитектурное наследие*. Вып. 2. М., 1952. С. 193–220.
55. *Щербакова О.* История Казанского храма в Узком: Очерки. М., 2000.
56. *Яковлев А. Н.* Типология тетраконхов в русской церковной архитектуре провинции эпохи барокко // *Актуальные проблемы теории и истории искусства*. Вып. 10. СПб., 2020. С. 182–196.
57. *Яковлев А. Н.* Церковь Св. Варвары на Варварке. Типология и иконография // *Архитектурное наследие*. 2014. Вып. 60. С. 186–203.
58. *Годованюк О. М.* Монастирі та храми Волинського краю. Київ, 2004.
59. *Горін С.* Низкиничський монастир Покрову Пресвятої Богородиці, чоловичий // *Монастирі Західної Волині (друга половина XV—перша половина XVII століть)*. Львів, 2007. С. 222–232; ил. на с. 221.
60. *Церковне мистецтво України: у 3 т. Т. 1: Архітектура. Монументальне мистецтво*. Харків, 2018.
61. *Штинько В., Ковальчук Е.* Церква, яку освятив Петро Могила. Свято-Успенська церква у с. Низкиничі Іваничівського району // *Волинь: храми і люди*. Краєзнавчі нариси. Луцьк, 2010. С. 38–46.
62. *Яковенко Н.* Дзеркала ідентичності: Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI—початку XVIII століття. Київ, 2012.
63. *Krufft H.-W.* A History of Architectural Theory from Vitruvius to the Present. NY., 1994.
64. *Serlio S.* Die Architectur Sebastiani Serlii... Over-gheset uyt d'Italiaensche in Nederduytsche sprake, door Pieter Coecke van Aelst... B. 1–5. Amsterdam, 1616.

References

1. Aronova A.A. 2007. K voprosu ob istochnikakh proiskhozhdeniia nekotorykh form v russkoi arkhitekture Pozdnego Srednevekov'ia. *Iskusstvoznanie*, no 1/2, pp. 54–65.
2. Aronova A.A. 2013. Pol'skii parapet i ego otrazhenie v russkoi arkhitekture pozdnego 17 veka. *Iskusstvoznanie*, no 1/2, pp. 287–305.
3. Batalov A.L. Nekotorye napravleniia v teorii i praktike ital'ianskogo Renessansa i ikh otrazhenie v deiatel'nosti ital'ianskikh arkhitektorov v Rossii v XVI veke. *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva*, i. 6, Saint-Petersburg, 2016, pp. 229–241.
4. Batalov A.L. 2016. Sobor Pokrova na Rvu: Renessansnaia interventsia v prostranstvo Pozdnego Srednevekov'ia. *Iskusstvoznanie*, no 3, pp. 54–97.
5. Batalov A.L., Viatchanina T.N. 1988. Ob ideinom znachenii i interpretatsii ierusalimskogo obraztsa v russkoi arkhitekture XVI–XVII vv. *Arkhitekturnoe nasledstvo*, i. 36, pp. 22–42.
6. Bezsonov S.V. Istoricheskie sviazi arkhitektury Rossii, Ukrainy i Belorussii v XIV–XVII vv. *Zodchestvo Ukrainy*, Kiev, 1954, pp. 251–270.
7. Belokurov S. *O biblioteke moskovskikh gosudarei v XVI stoletii*. Moscow, 1898.
8. Bugoslavskii G. Kievskii vovoda Adam Kisel' i vystroennaia im v s. Nizhichakh, Vladimir-Volynskogo uezda, tserkov'. *Sbornik statei v chest' grafini Praskov'i Sergeevny Uvarovoi. 1885–1915*, Moscow, 1916, pp. 232–248.
9. Buseva-Davydova I.L. 1985. Ob istokakh kompozitsionnogo tipa “vos'merik na chetverike” v russkoi arkhitekture kontsa XVII v. *Arkhitekturnoe nasledstvo*, i. 33, pp. 220–226.
10. Vagner G.K. O proiskhozhdenii tsentricheskikh kompozitsii v russkom zodchestve kontsa XVII veka. *Pamiatniki kul'tury. Issledovaniia i restavratsiia*, i. 3, Moscow, 1961, pp. 123–133.
11. Vel'tman A.F. *Obnovlenie khrama Znamenii Presviatye Bogoroditsy v sele Dubrovitsakh, osnovannogo v 1690 i osviashchennogo v 1704 godu, v prisutstvii khramozdatelia gosudaria tsaria i velikogo kniazia Petra Alekseevicha*. Moscow, 1850.
12. Vinogradov A.V. Panagii Mukhlitissy monastyr' v Konstantinopole. *Pravoslavnaia entsiklopediia*, vol. 54, Moscow, 2019, pp. 376–378.
13. Maksimov P.N. (ed.). *Vseobshchaia istoriia arkhitektury*, vol. 6: Arkhitektura Rossii, Ukrainy i Belorussii. Moscow, 1968.
14. Vygodov V.P. O razviii iarusnykh form v zodchestve kontsa XVII veka. *Drevnerusskoe iskusstvo*, vol. 2: XVII vek, Moscow, 1964, pp. 236–252.
15. Vygodov V.P. *Tvorchestvo zodchego O.D. Startseva: dissertatsiia*. Moscow, 1955.
16. Vypiska iz rukopisi P.Mogily (Kievo-Sofiskoi biblioteki, no 155). *Kievskie eparkhial'nye vedomosti*, 1862, no 7, pp. 215–219.
17. Golitsyn M.M. *Petrovskoe*. Moscow, 1916.
18. Gornostaev F.F.; Grabar' I.E. (ed.). *Barokko Moskvy. Istoriiia russkogo iskusstva*, vol. 2: Dopetrovskaia epokha (Moskva i Ukraina), Moscow, 1912, pp. 417–468.
19. Vilinbakhova T.B. (comp.). *Drevlekhranilishche pamiatnikov ikonopisi i tserkovnoi stariny v Russkom muzee*. Saint-Petersburg, 2014, p. 95, ill. 116.
20. *Drevnosti. Trudy Komissii po sokhraneniui drevnikh pamiatnikov Imperatorskogo moskovskogo arkhelogicheskogo obshchestva*, vol. 2, Moscow, 1908, pp. 53–55.
21. Il'in M.A. *Zodchii Iakov Bukhvostov*. Moscow, 1959.
22. Il'in M.A. Problema “moskovskogo barokko” XVII veka. *Ezhegodnik Instituta istorii iskusstv AN SSSR*, Moscow, 1957, pp. 324–329.
23. Ioannisian O.M. Khramy-rotondy v Drevnei Rusi. *Ierusalim v russkoi kul'ture*, Moscow, 1994, pp. 100–147.
24. Kiselev V.N., Svistun V.O. Kisel' Adam Grigor'evich. Pokrovitel'stvo tserkovnym uchrezhdeniiam. *Pravoslavnaia entsiklopediia*, vol. 35, Moscow, 2014, pp. 73–74.
25. Logvin G.N. *Ukraina i Moldaviia*. Moscow, 1982.
26. Lukashova S.S. Gedeon (Sviatopolk Chetvertinskii Grigorii Zakhar'evich, kn.). *Pravoslavnaia entsiklopediia*, vol. 10, Moscow, 2005, pp. 517–519.
27. Merzliutina N.A. 2019. K voprosu o proiskhozhdenii kompozitsii “izhe pod kolokoly” v votchinnykh khramakh kontsa XVII veka. *Arkhitekturnoe nasledstvo*, i. 71, pp. 89–102.
28. Mikishat'ev M.N. “Naryshkinskii stil” i russkaia arkhitektura kontsa XVII veka (k probleme “perelomov” v obshchestvennom i khudozhestvennom razviii). *Arkhitektura v istorii russkoi kul'tury*, i. 6: Perelomy epokh, Moscow, 2005, pp. 197–236.
29. Nekrasov A.I. Arkhitektura Istry i ee znachenie v obshchem razviii russkogo zodchestva. *Ezhegodnik Muzeia arkhitektury*, i. 1, Moscow, 1937, pp. 9–51.
30. Nekrasov A.I. *Ocherki po istorii drevnerusskogo zodchestva XI–XVII veka*. Moscow, 1936.
31. Novitskii I.P. *Adam Kisel', vovoda kievskii*. Bila Tserkva, 2012.
32. Arenkova Iu. I., Domshlak M.I., Mekhova G.I. [et al.]. *Pamiatniki arkhitektury Moskvy. Belyi gorod*. Moscow, 1989.

■ Н.А. Мерзлютина • К вопросу о генезисе тетраконхов в русской церковной архитектуре конца XVII столетия...

33. Batalov A.L. (ed.) et al. *Pamiatniki arkhitektury Moskvy. Okrestnosti staroi Moskvy. (Iugo-vostochnaia i iuzhnaia chasti territorii ot Kamer-Kollezhsogo vala do nyneshnei granitsy goroda)*. Moscow, 2007.
34. Pod''iapol'skaia E.N. (ed.). *Pamiatniki arkhitektury Moskovskoi oblasti*, i. 1, Moscow, 1998.
35. Pod''iapol'skaia E.N. (ed.). *Pamiatniki arkhitektury Moskovskoi oblasti*, i. 4, Moscow, 2009.
36. Pod''iapol'skaia E.N. (ed.). *Pamiatniki arkhitektury Moskovskoi oblasti*, vol. 1, Moscow, 1975.
37. Pod''iapol'skaia E.N. (ed.). *Pamiatniki arkhitektury Moskovskoi oblasti*, vol. 2. Moscow, 1975.
38. Artemov A.A. (comp.); Ignatkin I.A. (ed.). *Pamiatniki gradostroitel'stva i arkhitektury Ukrainskoi SSR*, vol. 2. Kiev, 1986.
39. Logvin G.N. (ed.); Artemov A.A. (comp.). *Pamiatniki gradostroitel'stva i arkhitektury Ukrainskoi SSR*, vol. 4. Kiev, 1986.
40. Pertsov V.V. 2009. Neobychnaia istoriia khrama v Petrovskom. *Nashe nasledie*, no 92, pp. 28–33.
41. Podkliuchnikov V.N. Tri pamiatnika XVII stoletii. *Pamiatniki russkoi arkhitektury*, i. 5, Moscow, 1945.
42. Popadiuk S.S. Obshchnost' razvitiia dekorativnykh form v russkoi i pol'skoi arkhitekture XVI–XVII vv. *Kul'turnye sviazi narodov Vostochnoi Evropy v XVI v.*, Moscow, 1976, pp. 176–186.
43. Polovtsov A.A. (ed.). *Russkii biograficheskii slovar'*, vol. 4 (Gaag — Gerbel'). Saint-Petersburg, 1914.
44. Polovtsov A.A. (ed.). *Russkii biograficheskii slovar'*, vol. 15 (Pritvits — Reis). Saint-Petersburg, 1910.
45. Svistun V., diakon. Nizkinichskii v chest' Uspeniia Presviatoi Bogoroditsy muzhskoi monastyr'. *Pravoslavnaia entsiklopediia*, vol. 49, Moscow, 2018, pp. 369–372.
46. Sedov V.I. 2004. Stil' Vechnogo mira, ili Pol'skii renessans v Moskve. *Proekt Klassika*, no 12, pp. 140–147, available at: http://www.projectclassica.ru/school/12_2004/school2004_12_01a.htm.
47. Semenov K.A. *Usad'ba Dubrovitsy. Tserkov' Znamenii*. Moscow, 2006.
48. Solov'ev S.M. *Istoriia Rossii*, b. 7, vol. 14. Moscow, 1962.
49. Timin V.A. 2012. Uspenskaia tserkov' v byvshei usad'be Petrovskoe: issledovaniia i rekonstruktsii. *Arkhitekturnoe nasledstvo*, i. 57, pp. 83–100.
50. Flier I.a. 1988. Evoliutsiia planov pravoslavnykh kamennykh khramov na territorii Ukrainy s X po seredinu XVII veka. *Arkhitekturnoe nasledstvo*, i. 35, pp. 86–96.
51. Floria B.N. Kisel' Adam Grigor'evich. *Pravoslavnaia entsiklopediia*, vol. 35, Moscow, 2014, pp. 67–75.
52. Floria B.N. *Tserkov' i vremia. Nauchno-bogoslovskii i tserkovno-obshchestvennyi zhurnal*, no 1 (22),
53. Tsapenko M.P. *Arkhitektura Levoberezhnoi Ukrainy XVII–XVIII vekov*. Moscow, 1967.
54. Chiniakov A.G. 1952. Arkhitekturnye pamiatniki Izmailova. *Arkhitekturnoe nasledstvo*, i. 2, pp. 193–220.
55. Shcherbakova O. *Istoriia Kazanskogo khrama v Uzkom. Ocherki*. Moscow, 2000.
56. Iakovlev A.N. Tipologii tetrakonkhov v russkoi tserkovnoi arkhitekture epokhi barokko. *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva*, i. 10, Saint-Petersburg, 2020, pp. 182–196.
57. Iakovlev A.N. 2014. Tserkov' Sv. Varvary na Varvarke. Tipologii i ikonografiia. *Arkhitekturnoe nasledstvo*, i. 60, pp. 186–203.
58. Godovanjuk O.M. *Monastyri ta hramy Volyn'skogo kraju*. Kiev, 2004.
59. Gorin S. Nyzkynyc'kyj monastyr Pokrova Presvjatoi Bogorodyci, cholovychyj. *Monastyri Zahidnoi' Volyni (druga polovyna XV—persha polovyna XVII stolit')*, Lviv, 2007, pp. 222–232.
60. *Cerkovne mystectvo Ukrainy*: in 3 vols., vol. 1: Arhitektura. Monumental'ne mystectvo. Kharkiv, 2018.
61. Shtyn'ko V., Koval'chuk E. Cerkva, jaku osvjatyv Petro Mogyla. Svjato-Uspens'ka cerkva u s. Nyzkynychi Ivanychivs'kogo rajonu. *Volyn': hramy i ljudy. Kraeznavchi narysy*, Lutsk, 2010, pp. 38–46.
62. Jakovenko N. *Dzerkala identychnosti. Doslidzhennja z istorii' ujavlen' ta idej v Ukra'ni XVI—pochatku XVIII stolittja*. Kiev, 2012.
63. Krufft H.-W. *A History of Architectural Theory from Vitruvius to the Present*. NY, 1994.
64. Serlio S. *Die Architectur Sebastiani Serlii... Over-gheset uyt d'Italiaensche in Nederduytsche sprake, door Pieter Coecke van Aelst...* B. 1–5. Amsterdam, 1616.